

— Вотъ хорошій портретъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ ней: — у меня такого нѣтъ.

— Да, это единственный, — промолвилъ Прягинъ, — помогая Раисѣ сбросить шубу.

— Прежде я не видѣлъ его у васъ, — замѣтилъ Гранковскій.

— Нѣтъ; онъ тутъ ужъ второй годъ!

— Давайте помѣняемся! — шуточно предложилъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, указавъ на портретъ. — Я вамъ дамъ другой...

— Ни за что на свѣтъ! — поспѣшилъ сказать Прягинъ и взглянулъ на Раису, и хотъ онъ улыбался, но было видно, что онъ не разстанется съ портретомъ.

— Чѣмъ, Никодимъ Павловичъ, вы будете насъ угощать? — сказала Раиса, бросаясь въ качалку.

— А чѣмъ хотите. Черезъ двѣ минуты Захаровна подастъ завтракъ.

— Давайте самоваръ! вотъ что!

— Захаровна, самоваръ, живо! — крикнулъ Прягинъ, выйдя изъ комнаты.

Раиса лежала въ качалкѣ, вытянувъ ножки, обутая въ теплыя ботинки съ множествомъ пуговокъ, и била ими другъ о дружку. Декабрьское солнце широкимъ потокомъ вливалось въ намерзлыя окна своей нежаркой, зимней свѣтъ. Раиса улыбалась и слегка раскачивала себя. Ѳеодоръ Игнатьичъ смотрѣлъ на жену.

— Мы долго здѣсь пробудемъ? — спросилъ онъ.

— Погоди, cher Ѳедя! Надо поѣсть! И мнѣ надо еще сказать что-то по секрету Никодиму Павловичу.

— По секрету, Раекъ?

— А! А ты думаешь, у меня нѣтъ отъ тебя секретовъ?

Вернулся Никодимъ Павловичъ и сталъ занимать гостей, показывая имъ альбомы съ фотографическими видами, рѣдкія изданія, гравюры въ папкахъ.

— Вамъ Раиса хочетъ что-то сказать по секрету, — промолвилъ Гранковскій, глядя на плотную сѣрую фигуру высокаго хозяина.

— Что такое?

— Ѳедя, я на тебя сердита! Вы думаете, Никодимъ Павловичъ, онъ знаетъ, что я хочу вамъ сказать! Онъ, клянусь вамъ, не знаетъ. Ахъ, Ѳедя! Ну, хорошо же! Теперь я ничего не скажу Никодиму Павловичу. Но и ты ничего, ничего не будешь знать. А вы прѣзжайте, Никодимъ Павловичъ, ко мнѣ, когда его не будетъ дома, днемъ — я вамъ тогда скажу все. Это знаете что? Не догадываетесь? Ну, и не нужно!